

A close-up photograph of a person's arm. A white, shiny bandage is wrapped diagonally across the arm, heavily stained with bright red blood. On the upper part of the bandage, the letters 'SM' are printed in a stylized, red font. Below the bandage, on the skin, there is a sutured wound with several visible stitches. The background is the person's skin, which appears slightly reddened.

Дмитрий Дубинин

УБИЙСТВО
К РОЖДЕСТВУ

Дмитрий Дубинин

Убийство к Рождеству

Текст предоставлен автором.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6026335

Аннотация

К мелкому бизнесмену Александру Жарикову в машину подсаживается девушка – красивая и раскованная. Знакомство развивается по всем романтическим канонам, но завершается оно страшно – Жариков находит свою подругу зарезанной в его собственной постели. Догадываясь, что его хотят подставить, Александр пытается спасти как свою жизнь, так и свое доброе имя. Его стихийное расследование приводит к пониманию, что он, сам того не желая, попал в шестеренки безжалостного и бездушного механизма под названием «шоу-бизнес». И что в его кровати убита не самая обычная девушка...

Содержание

I. Попутчица ниоткуда	4
II. В Багдаде все спокойно	24
III. Смерть в черной маске	39
IV. Московская отзывчивость	59
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Дмитрий Дубинин

Убийство к Рождеству

I. Попутчица ниоткуда

Цепочка наручников мелодично звякнула, когда я обвел ее вокруг прута металлической спинки кровати, после чего защелкнул «браслеты» на запястьях девушки. Полюбовавшись на дело рук своих, решил, что приготовления закончены, а потому направился в душ. Включив воду, начал стягивать тенниску через голову, и вдруг ощутил, что нахожусь в ванной не один. Будто кто-то тихо, словно кот, подобрался ко мне сзади. Неужели она расстегнула наручники? Я успел на пол-оборота повернуться к двери, и тут же увидел сквозь ткань тенниски чей-то темный силуэт. Который вдруг сделал резкое движение, и у меня из глаз моментально посыпались разноцветные звезды.

Но мне, если можно так сказать, повезло. Поворачиваясь, я немного поскользнулся на лужице воды, меня качнуло, и удар, направленный вертикально в макушку, прошел чуть боком. Однако мне этого хватило, чтобы рухнуть на пол, ударившись при этом левым локтем об угол ванны. Злоумышленник не успокоился. Он схватил меня за плечи и шваркнул моей головой о ванну так, что все вокруг загудело. Мне

повезло еще раз – руки, запутавшиеся в тенниске, торчали вверх, и тот же левый локоть принял основной удар на себя.

Сознание оставило меня лишь на минуту или две, может лишь немногим больше. Очнувшись, я словно сквозь вату слышал какую-то возню в своей комнате, топот ног, а затем что-то загремело в кухне. После этого в квартире повисла звенящая тишина.

Охая и кряхтя, я сел на мокрый пол и с большим трудом вернул тенниску на место, просунув гудящую голову сквозь игольное ушко ворота – раздеваться в эту минуту мне казалось делом легкомысленным. Затем я встал, чувствуя, как все вокруг покачивается, и осторожно коснулся головы. Две здоровенные шишки, и обе по бокам, над ушами. Посмотрел пальцы – кровь была, но всего чуть – блоху не утопить.

О том, что произошло несколько минут назад, гадать было трудно. Я мог лишь предположить самое вероятное – квартирных воров. «Ты где?» – крикнул я, вываливаясь из ванной. Тишина. Про себя чертыхаясь, прошел в комнату и тупо уставился на темную фигуру, лежащую на моей кровати.

Лучше бы это были воры.

* * *

Я припарковался возле «Оберона». Из окон падал неяркий свет, возле крыльца курили и жестикулировали три подростка, явно изображая, кто кого и как «сделал» в «Забы-

тых сражениях». Наташа, видимо, постоянно поглядывала в окно, поскольку вышла на улицу почти сразу же, едва я заглушил двигатель и вышел наружу: сидеть в машине было страшно.

– Ну, рассказывай, – в голосе компаньонки я слышал легкую тревогу. – Я так и чувствовала, что у тебя какие-то неприятности.

– Мягко сказано, – пробормотал я. – Это не неприятности. Я попал.

– На сколько? – спросила она, думая, по всей видимости, о сумме в твердой валюте.

– Лет на пятнадцать.

Наташа охнула.

– Что за шутки? – после паузы спросила она.

– Какие могут быть тут шутки, – вздохнул я.

– Слушай, да у тебя кровь!

– Где?

– Вот, на щеке... Да и на рукаве тоже!

– Черт... Это не главное.

– Саша, а кто это у тебя в машине? – Наталья наконец обратила внимание на сидевшего впереди человека в шляпе, толстом шарфе и с сигаретой в зубах. – Похож на Фредди Крюгера.

– Это не Фредди Крюгер. Это гораздо хуже.

Наташа странно на меня взглянула и сделала несколько шагов к «жиге». Я подскочил к компаньонке и взял ее за пле-

чо.

– Постарайся не удивляться, – сказал я. – Такого ты еще не видела, но, пожалуйста, не удивляйся.

И все-таки Наташа негромко вскрикнула, когда разглядела «Фредди Крюгера» чуть внимательнее. Она резко выпрямилась.

– И что ты теперь собираешься делать? – спросила она.

– Не знаю. Голова совсем не работает, мне ее чуть не раскололи.

– Давай-ка сядем в машину... Давай-давай. Если я все правильно поняла, твой друг не кусается.

Мы сели рядом на заднее сиденье. Силуэт в шляпе загораживал от нас подростков на крыльце.

– Ну, рассказывай, – потребовала Наташа.

И я начал рассказывать.

* * *

Фары осветили стоящую на обочине высокую женскую фигуру с поднятой на уровень плеча рукой. Я сбросил газ и включил правую мигалку. Подъехав ближе, притормозил, и женщина подошла к моей «семерке». Я опустил оконное стекло.

– До Глушанинского переуллка не доедем? – донесся до меня мелодичный голос.

– Это где? – насторожился я. Звучало несколько зловеще,

но мне тут же объяснили, что это не очень далеко от Тушина. Учитывая наше местонахождение, доедем быстро.

– Садитесь. – Я потянулся назад, чтобы открыть заднюю дверь, но женщина приблизилась к передней и сама потянула ручку.

Я впустил пассажирку. Полупальто из мягкой кожи, черная фетровая шляпка с меховой оторочкой, темно-сиреневый шарф из ангорки... Половину лица закрывают большие очки, не по сезону и не по времени суток темноватые. Другая половина скрыта буйными струящимися из-под шляпки волосами. Носик приятной такой формы, губки ярко накрашены... Сумочка дорогая, но явно не из модного бутика. Перчатки черные – не видно, есть ли колечки. Из-под пальто выглядывают неплохой округлости коленки, обтянутые темным нейлоном – юбочка весьма кургузая. Сама довольно молодая, хотя с такой маскировкой трудно сказать точно – двадцать лет или двадцать семь... Интересно, много ли бабок у нее с собой, и вообще – куда она едет? Может быть, к друзьям на гулянку?

Пока молодая женщина стряхивала мокрый снег с полей шляпы и демонстрировала мне цвет своих пышных волос, видимо, крашенных черной краской, мы столковались о трех сотнях рублей. Нажав на газ, я повел машину по быстро пустеющим улицам. Настроение было отличное. За вечер я «набомбил» почти штуку, и это радовало: на недавний ремонт тачки я неслабо раскошелился, да и бензин нынче, мяг-

ко говоря, недешев... Отвезу девушку до места, и – домой.

Я свернул на Волоколамское шоссе, не очень внимательно следя за дорогой. В такой вечер думалось только о приятном...

– Мне вообще-то, – вдруг сказала пассажирка, – нужно чуть дальше. Сможете подвезти?

Я про себя чертыхнулся.

– Куда именно?

– Ну, чуть подальше... Я скажу... Там, влево с развязки...

– Тогда еще полтинник с вас, – довольно жестко сказал я. – И в Митино не поеду.

Женщина промолчала. Посматривая на почти опустевшую дорогу, не спеша заметаемую медленно падающим снегом, я вернулся к своим мыслям. Подумал о том, что мой компьютерный салон совсем перестал приносить прибыль, о том, насколько мне уже осточертело «бомбить» на улицах Москвы, продираясь на «Жигулях» сквозь колонны безумно дорогих машин, о том, что в одиночку стало это гораздо опаснее и скучнее...

...Указатель, покрытый светоотражающей краской, появился с правой стороны дороги и вскоре исчез. Я миновал развязку, и поехал налево. А когда повернулся к женщине, чтобы уточнить пункт назначения, то убедился, что она смотрит на меня и улыбается. Ну что ж, улыбаться я тоже умею, что тотчас и доказал.

– Маршрут знакомый? – спросила девушка.

Я начал что-то припоминать. Хотя уже столько дорог исколесил по Москве и окрестностям, всех не перечесть. Но сейчас мы действительно ехали очень знакомым путем...

– Могу подсказать, – с хитринкой в голосе произнесла попутчица. – И Сурок тоже бы подсказал. Помнишь его?

Еще бы я Володьку Суркова не помнил! Я вообще часто его вспоминаю – исковеркал мужик себе судьбу... Звал я его с собой еще в студенческие времена в Польшу ездить, звал, а он в рэкет подался – были у него такие замашки... Работать, к слову, он не хотел, таскать на своем горбу шмотки из-за бугра – тоже, а бушлатить любил куда больше моего. Ну, а средства, которыми он пользовался, в конце концов привели его туда, где он сейчас находится... Теперь, дуралей, сидит в СИЗО, не то в «четверке», не то в «шестерке», ждет окончания следствия... Стоп! А откуда она вообще про Сурка-то знает?

– Значит, не узнаешь ты меня, – вздохнула девушка. – Ведь всего же неделю назад ты и Сурок ехали этим же самым путем.

Почему я должен ее узнавать? И вообще, откуда она знает про Сурка, и про то, как я в тот морозный вечер на Рождество, высматривая у обочины голосующих, услышал звонок по мобильному. Выехал я тогда довольно рано, но даже не заметил, как промелькнуло несколько часов. В начале одиннадцатого движение на улицах стало стихать, и на дорогу начали падать мелкие снежные хлопья. Я вынул трубку.

– Да?

– Привет! – донесся знакомый голос. – Саня, ты далеко? Катаешься?

– Работаю, – лапидарно ответил я.

– Так где ты?

– На Аминьевском.

– Слушай, забери меня на Верейской! Это же рядом. Край как надо – у меня груз! А я тебе клиента подгоню, устроит?

Если честно, мне не очень хотелось ехать за Сурком, да и видеть его сегодня – тоже. Мы не такие уж близкие друзья, хотя и не сказать, что далекие. Но в одиночку таксовать совсем уж грустно, а хоть с каким-никаким, а собеседником все равно веселее. Тем более с ним спокойнее – как-то раз мы довольно удачно отбили от трех шакалов, решивших присвоить мою телегу. Один я с ними бы не справился...

– Ты где там?

– Дом шесть, первый подъезд. Мне ждать?

– Жди.

Ехать действительно было не слишком далеко, я свернул к нужному зданию, и подрулив к подъезду, заметил высывающуюся из его дверей знакомую харю, обладатель которой радостно замахал рукой, увидев меня в машине. Другая его рука была занята какой-то внушительной коробкой.

То был Сурок; притормозив, я впустил его к себе в машину – он уселся на заднее сиденье, а свою коробку, немного подумав, зачем-то перевалил через спинку переднего, по-

ставив свой груз рядом со мной. Наверное, мой приятель кому-то заготовил рождественский презент. Однако он уже был под небольшим градусом – не иначе, у кого-то «квасил».

Мы еще раз поприветствовали друг друга.

– Ну, че, кайфово, Саня, ты сегодня таксанул?

В вопросе мне послышался плохо скрываемый намек. Еще чего не хватало! Буду я его поить, как же!

– Маловато, – сказал я. – У меня с этого года хозяин арендную плату здорово взвинтил. Еще бы штуку снять...

– Слушай, – вдруг сказал Сурок. – Я же тебе клиента обещал подогнать. – Надо? Это недалеко. И бабло все твое.

– Надо, – сказал я.

– Щас позвоню. – И Сурок стал нажимать кнопки на телефоне.

Я прикурил сигаретку и посмотрел во внутреннее зеркало. Шарообразная стриженная голова покачивалась в такт толчкам машины. В полутьме физиономии видно не было, но я знал, что за последнее время она здорово округлилась – Сурок с тех пор, как связался с бандой этого психопата, трясущего лавочников, вконец обленился и при этом здорово приистрастился к крепкому пиву, которое мог поглощать в количествах просто невероятных. Мозгов у него, кажется, стало еще меньше, да и вообще – я часто ловил себя на мысли, что мой в старое доброе время едва ли не самый лучший друг все больше становится мне в тягость. Впрочем, тогда я не знал, что уже послезавтра его возьмут с поличным...

Сзади чавкнула пивная баночка. Суток, закончив телефонный разговор, припал к ней своей пастью и с шумом сделал несколько глотков.

– Тоже мне, «Холстен», – проворчал он. – Потрясающее говно. – И снова глотнул.

«Ну и не пил бы, раз говно, – подумал я. – И вообще, нечего душу травить. Знает же, паразит, что я за рулем даже кваса не пью...»

Суток дохлебал свой «Холстен», раскатисто рыгнул и потянулся.

– Эх! Засадить бы кому-нибудь... – произнес он мечтательно.

– У тебя все мысли в одну сторону, – сказал я.

– А-а, – неопределенно ответил Суток. – Анекдот слушай...

Я, не обращая внимания на ту ахинею, какую нес мой все еще приятель, крепко задумался и поймал себя на мысли, что завидую ему. Вернее, его образу жизни. Но дело, конечно, не в том, чем он занимается в основное время, а в том, как он проводит свой досуг. Досуг. «Мне не до сук», – как будто бы говаривал Штирлиц... А этому-то что, он, как поручик Ржевский, который был членом суда... Туда-сюда.

Хотелось спать. От усталости мысли в голове путались, наскокивая друг на дружку. Черта бы я потащился на этот заказ, но уж очень нужны деньги... Вот, кстати, и приехали.

Я подъехал к нужному зданию.

– Контора, что ли? – удивился я. – Решили в такой день допоздна работать?

– Видимо, непростая контора, – глухо сказал Сурок.

Открылась дверь, и оттуда сразу же выпорхнула женская фигурка в белой шубке. Ее провожал какой-то мужчина. Посмотрев на мою машину, он сразу же скрылся за дверью.

– А тебя, кстати, где высадить? – спросил я своего приятеля.

– Поехали, – лениво проговорил Сурок. – Соберешься домой, меня по пути высадишь.

Сурок жил неподалеку от моей новой квартиры, но у него в гостях я еще ни разу не был. Так же, как и он у меня.

Девушка тем временем подошла к моей «семерке», и я приоткрыл дверь.

– Это с вами договаривались до Глушанинского? – слышался вопрос.

– Со мной, – подтвердил Сурок, тоже распахивая дверь. – Садись! Все пучком!

Женщина (впрочем, скорее девушка – ей на вид было вряд ли больше двадцати) слегка колебалась, видя в машине нахального мужика с внешностью типичного гопника.

– Садитесь, – сказал я в свою очередь.

Чертова коробка лежала рядом со мной совсем некстати. Пока я пытался ее обхватить, чтобы переместить назад, девушка успела сесть на заднее сиденье, рядом с Сурком. Автомобиль тронулся с места. Двигатель застрочил, но скоро

снова заработал нормально.

... Ехали мы довольно долго, пока пришлось делать такую громадную дугу. Мы все молчали – я, если честно, потому что здорово устал, а почему пассажирка – кто ее знает... Сурок тоже не высказывался, но все время шумно сопел. Он хлопнул еще одну банку, а ведь до того, как сесть ко мне в машину, Володька успел крепко поддать.

Мы проехали указатель, светившийся в лучах фар, и я спросил:

– Где остановить?

– Сейчас покажу, – отозвалась девушка. – Вот тут повернуть, а там прямо...

Я съехал с Волоколамского шоссе (сразу стало как-то уж очень темно), а потом появился освещенный проезд к видневшимся невдалеке пятиэтажным «хрущевкам». Едва свернув, я сразу же остановился – через небольшой пустырь дороги не было, а проезд был явно специально загроможден бетонными блоками.

– Приехали, – сказал я.

– Ага, спасибо... – Девушка начала рыться в карманах сумки. На свет появилась небольшая косметичка. Щелкнул замок, раздалось легкое шуршание и позвякивание. Громче... Лихорадочнее...

– Р-ребята, – жалобно сказал девушка. – Я, кажется, забыла деньги... Или потеряла...

Я про себя выругался.

– Так вообще-то не делается, – сказал я. – Надо сперва проверять кошелек, а потом тачку ловить... Или ночевать там, где гуляла... Нет, потащила на ночь глядя... Ну, что, нашла?

– Нет...

– Тогда выметайся! – Я страшно разозлился, и даже захотел повернуться и свистнуть девчонку по вывеске, хотя женщин не бью. Она взялась за замок двери...

Но вдруг ее руку схватила чья-то другая рука и резко дернула назад. Это в дело вмешался Сурок.

– Ты че, а? На халяву любишь ездить, в натуре? – по-жлобски растягивая слова, заговорил Володька.

– Ребята, ну я... Я же случайно, – стала оправдываться девица.

– Короче, ты... За проезд всяко-разно же платить надо...

– Ну, вы подождите меня здесь... Я сейчас сбегаю и принесу. Я ведь тут живу, рядом...

Сурок заржал как лошадь. Меня тоже разобрал смех. Интересно, за кого она нас тут держит? За лохов, что ли?.. Сколько раз я уже зарекался везти кого-либо, не договорившись об оплате сразу и не взяв денег вперед! Ну, да ладно, хрен с ней, пусть топает...

– О-о-ой! – громко взвизгнула девица. – Ты что?

Я резко повернулся назад. Сурок, оказывается, уже вцепился пассажирке одной рукой в ее колено, другой – в руку и, сопя, начал тянуть девчонку к себе.

– Слышь? – сказал я. – Ты, рожа охреневшая! Брось это! Пусть катится к свиньям!

– Че значит «катится»? – спросил Володька. – Пусть рассчитывается.

– О-ой! Отпусти! – Девчонка, кажется, была перепугана не на шутку. – Ребята, я сейчас позвоню, деньги вынесут...

– Слышь, что говорю?! Отпусти ее!

– И даже не подумаю...

Сурок, похоже, был настроен серьезно. Мне долго думать было нельзя. Во-первых, еще немного – и прощай, моя репутация честного «бомбилы», а во-вторых...

Я перегнулся через спинки сидений и хорошенько дал Сурку по круглой морде.

– Хорош! – рявкнул я как можно злее. Впрочем, злился я по-настоящему.

Володька слегка опешил.

– Ты че, а? Ты че? – забормотал он. – Давно в дыню не получал?

Девчонка почти сразу же вытащила мобильник и, застегивая шубейку, начала лихорадочно нажимать кнопки. Сурок немедля вырвал трубку из ее рук.

– Нет. Щас пойдем вместе, и ты отдашь деньги.

Меня это тоже не устраивало. Сурок выпивши, да еще раззадорился не на шутку – такой тип может легко устроить девчонке сами понимаете что, а если потом возникнут проблемы, то резонансом достанется и мне. Мою машину ведь ви-

дел тот мужик.

– Никуда ты не пойдешь, – сказал я. – Дай девчонке позвонить.

– Может, выйдем? – спросил Сурок.

– Выйдем, – согласился я. – Только отдай сначала телефон.

Володя думал секунды три – мне показалось, что у него даже стриженный череп пошел буграми от усилий. Пассажирка и я хранили молчание.

Гулко вздохнув, Сурок вернул телефон девушке. Не теряя времени, она быстро вызвонила какую-то Тому, и попросила, чтобы та ее встретила.

– Сиди спокойно, – сказал я Сурку. – Если надо, поговорим потом.

Мой приятель неожиданно успокоился. А девчонка спрятала трубку, выскочила из машины и почти бегом припустила в сторону стоящих невдалеке домов. Я заметил, что из ближайшего подъезда вышла женщина и стала смотреть в сторону нашей попутчицы, которая приближалась к ней. Мне вдруг страшно захотелось побыстрее уехать отсюда, и я буквально выскочил на Кольцо, кажется, задние колеса даже провернулись в воздухе.

– А че, бабки тебе не нужны? – вдруг услышал голос Сурка.

Я опять захотел дать ему в морду.

– Слушай, я ведь всегда считал тебя корефаном, – произ-

нес я. – Не ожидал, что ты такой идиот.

– Э, гляди ты... – Сурок что-то подобрал с сиденья и протянул вперед. Я посмотрел. Володька держал в руке овальную брошку голубого цвета, видимо, потерянную моей клиенткой. – Че с ней делать?

– Иди, отдай хозяйке, – невесело пошутил я.

Сурок гоготнул. Я прибавил скорости, закурил сигарету и нашарил на приемнике волну «Европы плюс». Несмотря на задорную музыку, настроение было никакое. Я чувствовал, что теряю друга, при этом отнюдь не по своей вине.

– У ларька тормозни, – подал вдруг голос Сурок. – Еще пива хочу.

– Мне тоже пару купи. И все-таки, откуда тебе все это известно? – спросил я.

– Неужели все еще не узнал?

Она резким движением сняла очки.

В полумраке машины лицо все равно было плохо различимым, да и голос у девушки не сказать, что запоминающийся. И вдруг меня словно что-то ударило:

– Так это ты?!

– Конечно. – Девушка улыбнулась еще шире, так что блеснули белые зубы. – Я тебя почти неделю искала.

Вот так история! Не помню, чтобы меня девушки когда-либо раньше так искали. И не так уж часто я вот так сразу переходил с ними на «ты».

– А... зачем? – глуповато спросил я.

Действительно, не самый лучший вопрос. Попутчица нахмурилась.

– Спасибо тебе хочю сказать... Знаешь, если бы не ты...

Можно было бы сказать, что я беспокоился тогда не столько о ее репутации, сколько о своей. Но это было бы не полной правдой. И вообще – стоит ли говорить об этом?

– Господи, да о чем ты? Парень слегка перебрал... Но в любом случае я бы не позволил, чтобы с тобой что-то случилось.

Я собирался сказать нечто вроде «я бы не позволил, чтобы в моей машине что-либо случилось с кем угодно», но у меня вышло иначе.

Ведь девочка-то очень даже ничего...

– Не знаю, перебрал этот парень, или нет, но я слышала, что его посадили.

– Да, я знаю. За вымогательство.

– Он правда твой друг?

Тоже вопрос. С Володькой у меня были очень даже неплохие отношения, еще со школьных времен, но «друг» – это слишком высоко для того, чтобы я мог назвать Сурка именно так.

– Скорее приятель. Старый школьный товарищ. Мы в параллельных классах учились.

– Тогда тебе не так неприятно будет это узнать, раз он не такой уж близкий твой друг. Дело в том, что у Сурка в тюрьме большие неприятности... Как это называется... Опустим

ли там его.

– А ты не врешь? – Я был просто поражен.

– Ну, у моего отца есть хороший знакомый в столичном УИНе. Зачем ему врать?

В это поверить было сложно. Куда сложнее, чем даже в то, что девушка, которой я действительно чем-то помог, целую неделю искала меня, чтобы поблагодарить... Фары осветили правый поворот к старому микрорайону, появились знакомые бетонные блоки. Я притормозил, подъехал к обочине и остановился.

– Место встречи изменить нельзя? – спросил я.

– Можно, – заявила девушка. – Сейчас я никому звонить не стану.

Быстрым и в то же время плавным, словно кошачьим, движением, она потянулась ко мне, и не успел я даже глазом моргнуть, как девушка уже целовала меня в губы – нежно, без излишней страсти, но – черт возьми! – я почувствовал легкое прикосновение языка.

Конечно, время от времени у меня в машине оказывались разные женщины, в том числе интересовавшиеся моим досугом проститутки, да еще дамы элегантногo возраста, уверявшие, что чашечка кофе вечером – это как раз то, что доктор прописал... Каюсь, пару раз я потом был с ними согласен. Но так откровенно и притом не слишком навязчиво со мной еще никто не обращался.

– Вот это мое спасибо тебе, – сказала девушка.

Я только сейчас обратил внимание на запах ее духов – несильный, но сладкий и одновременно пряный. Сексуальный.

– Я просто обязан сказать тебе «пожалуйста», – произнес я.

Теперь мы целовались несколько иначе. И я уже не сомневался в том, что после долгого затишья мне скоро предстоит нечто. Правда, я не ожидал, что это будет так скоро. Уже несколько минут спустя я ощущал другой «букет» – смесь запахов возбужденного женского тела и кожаной куртки...

Она откинулась назад, оперевшись плечами о панель, а головой коснувшись лобового стекла. Ее дыхание колыхало грудь, и я не смог удержаться от того, чтобы еще раз проверить, насколько упруги эти полушария. Действительно – как раз так, как мне нравится.

Девушка словно очнулась. Она выпрямилась, поерзала (я по-прежнему частично находился у нее внутри) и посмотрела на меня с таким выражением на влажном от пота лице, будто только что исполнилось ее самое заветное желание. Она вдруг нежно погладила меня по лицу.

– Знаешь, у меня такое впечатление, будто ты тоже хотел чего-то подобного, верно?

Я тоже словно очнулся. В душе у меня творилось черт знает что. Да, мне всегда нравились активные женщины, но не до такой же степени, черт возьми!.. Или как раз до такой...

Моя попутчица, повернув к себе внутреннее зеркало зад-

него вида, принялась чистить перышки. Я, насколько это сейчас было возможно, тоже приводил себя в порядок. Наверное, видок и у меня был еще тот, если судить по тому, как выглядела сейчас она. Обнаружь нас кто, любой дурак сразу бы понял, чем мы тут занимались.

– Я не хочу уходить, – сказала она.

– И я не хочу, чтобы ты уходила, – сказал я. – Послушай...

– Меня зовут Дина. А тебя – Саша, я знаю.

Зря говорят, что секс – не повод для знакомства...

II. В Багдаде все спокойно

– Значит, так. Володьку Сурка я действительно тоже помню, правда, довольно смутно. Я тут кое-кого поспрошал и выяснил вот что. Володьке действительно шьют рэкет и ношение оружия... Сидит он в общей камере на общих основаниях и хлебает ту же баланду, что и остальные его товарищи по несчастью.

Развалившись на продавленном диване и усиленно отравляя табачным дымом атмосферу комнаты – «приемной», как он ее называл, Виктор Китанов не говорил – он вещал. И излагал свою информацию несколько витиевато – мой бывший одноклассник всегда любил порисоваться.

– А теперь что касается тебя лично. Почему, собственно, я тебе сразу и позвонил. – Тон Китанова стал немного другим. – Когда я услышал, что Сурков дал показания по части своих поделчиков, и в числе прочих назвал твою фамилию, сам понимаешь, я не мог тебе этого не сказать.

– А я-то каким боком его дел касаюсь? – удивился я. – Мне и в голову не приходило рэкетом заниматься.

– Я почему-то догадываюсь, – усмехнулся Виктор. – Но ты будь готов к разным неожиданностям. Впрочем, наверное, ничего страшного тебе не грозит. Говори правду, если вызовут, и всякое такое.

– А ты не спрашивал, как ему там сидится? Не случилось

что-нибудь? – спросил я.

– Вот этого я пока не знаю, – ответил Виктор.

«Твою мать! Почему живот не зашит?» – донесся из-за двери чей-то грубый голос.

– Но еще что-нибудь разузнать получится? – спросил я.

– Не так-то это просто, Саш. По мере возможности постараюсь держать тебя в курсе дел... Но тебе придется потерпеть. Ты ведь представляешь, через кого придется добывать сведения?

– Ладно. Хотелось бы больше.

– «Хотелось бы», – передразнил Виктор. – Информация и без того уже обошлась мне в литр английского джина. Настоящего. К вашему сведению, сэр, тридцать семь долларов, сэр. В рублях по курсу. И в этом случае все равно сэр.

– О чем речь, отдам!

– Да не торопись, может, еще какие сведения появятся. А то каждый раз на один присест литр джина – это для него слишком вредно.

Мы еще немного поговорили, потом попрощались, и я направился к выходу. Из этого «подвала», куда мне приходилось два-три раза заглядывать, я всегда выходил с большим облегчением – ибо это был морг нашей районной больницы. А Виктор, с которым я когда-то учился в одном классе Шатурской средней школы, и который почему-то в те годы до судорог терпеть меня не мог, теперь был одним из здешних докторов. Одним из тех, на которых никогда не жалуются

пациенты.

Встретились мы с ним после школы уже будучи оба с московской пропиской и с дипломами – я с синим техническим, он – с красным медицинским. Ума не приложу, какого черта он выбрал воняющих формалином мертвецов, но зато сами мертвецы могли быть спокойны – после смерти диагноз им поставят безошибочный. Я к тому времени оставил завод, где сумел дорасти до заместителя начальника отдела АСУ, но не до приемлемой московской зарплаты, а потому теперь днем держал салон компьютерных игр, а вечерами таксовал на разрешенном местными бандитами участке. Оказалось, что Виктор, в отличие от меня, был женат, причем уже во второй раз, и, опять же в отличие от меня, полагал, что жизнь – чертовски прекрасная штука. От кого он заразился подобным оптимизмом, мне даже страшно было представить.

Друзьями в полном смысле слова мы так и не стали. Наверное, когда тебе скоро тридцать, сложно начинать дружбу заново. Впрочем, раза три-четыре я захаживал к Виктору в «подвал» – чтобы угоститься дозой чистого медицинского, а заодно лишний раз воочию убедиться, что есть еще в наше время неунывающие личности – и это несмотря на низкую зарплату, алименты и постоянное общение с покойниками.

А за информацией я поначалу даже и не собирался идти к Виктору. Мы с ним не виделись несколько лет, лишь изредка перезванивались, я даже думал, что наше общение сошло на нет. Однако где-то в конце прошлого года он объявил-

ся сам, попросив небольшой помощи – его новенький белый «Опель» находился в ремонте после аварии, а надо было перевезти пару ящиков со старой квартиры, съемной, на новую, которую Китанов приобрел в кредит. Разумеется, мне было не сложно помочь товарищу, а он потом, рассыпаясь в благодарностях, заявил, что если мне будет нужна помощь, он всегда готов... Кроме того, квартира, которую он оставил, досталась мне – по хорошему знакомству Китанов платил за нее двести баксов в месяц, и цена для меня осталась прежней. Словом, ничего не потеряв, я перебрался значительно ближе к центру и к месту постоянной работы... Понимая, что этого не случилось бы, вздумай в тот день Виктор просто вызвать такси.

И вот мне действительно понадобилась помощь заведующего патологоанатомическим отделением. Хорошо, хоть не в прямой связи с его специальностью.

Прежде чем звонить ему, я некоторое время сидел на диване в той самой квартире, прихлебывал кефир из тетрапака и с некоторой неловкостью копался в своих мыслях.

Нет, что касается Дины, и того, что нам еще предстоит – тут все прекрасно. Но после того как под утро я высадил ее у метро «Алексеевская», мне снова вспомнился Сурок. И не друг, и не враг, но и вовсе не «так». В любом случае, если человека «опустили», это страшно. А значит, надо хоть что-то узнать про него. Зачем? Не знаю. Но приставать с подобными расспросами к Дине не хотелось. Да она к тому же, тол-

ком ничего и не знала, кроме того, что «тот мужик из УИНа иногда заходит к отцу в гараж».

Поэтому я позвонил Виктору и спросил, не будет ли ему сложно вспомнить про нашего знакомого из параллельного класса по имени Володя Сурков, и через его знакомых ментов выяснить, как идет следственный процесс, не случилось ли с Володькой чего в СИЗО, а если случилось, то что именно. С ментами патологоанатом так или иначе должен периодически контактировать, верно? Китанов немного удивился, но сказал, что может попробовать. А спустя всего час позвонил мне сам и заявил, что если я сегодня после обеда приеду к нему на работу, то не ошибусь. Но по телефону он явно не хотел обсуждать подобные вещи.

После разговора с Виктором мне стало отнюдь не спокойнее, но обладание информацией, хотя бы такого рода – уже что-то. Можно было ехать на работу – в компьютерный салон «Оберон», который я держал на улице адмирала Макарова. И который мог бы приносить куда больше прибыли, если бы не проклятые налоги, проклятые конкуренты и проклятые админы, которые с честными глазами прикарманивали существенную часть выручки. Впрочем, «Оберон» мог приносить и куда меньше прибыли, если бы я держал этот салон в одиночку.

Когда я приехал, Наташа изучала распечатки логов, и задавала соответствующие вопросы рыжему Боре, который админил салон прошлой ночью и вышел на смену сегодня в

день.

– А что это за пропуск между двумя часами и тремя двадцатью? – длинный палец Наташи с аккуратно подстриженным и отполированным ногтем уперся в строку документа.

Боря понес какую-то ахинею, какую, наверное, приходилось нести и вам, когда вы вздумали поводить работодателя за нос, но попались.

– Двести рублей будешь должен, – перебила Наташа. Или следи, чтобы клиенты приходили играть, а не хацкать. Если еще хоть раз на твоём дежурстве кто-то сумеет поменять системное время, пойдешь работать в «Трайидент», к Аватару.

«Трайидентом» назывался наш главный конкурент, располагавшийся всего лишь в пяти минутах ходьбы отсюда. А Иван по прозвищу Аватар, был известен не только тем, что держал салон, но и тем, что занимался еще какими-то темными компьютерными делами. Админов он брал подстать себе, но если уж и он их выгонял, то таких потом вряд ли кто согласился бы принять на работу.

– Привет, – поздоровался я. Наташа и Боря ответили, оба с улыбками: Наташа, как всегда, с радостной, Боря, согласно ситуации, с заискивающей.

– Иди, работай, – сказала Наталья админу. Боря испарился, а я сел на его место.

– Как дела? – поинтересовался я.

– Пятый комп опять зависал всю ночь, господин Жариков. Несмотря на все ваши шаманские пляски вокруг него. А на

втором руль отвалился.

– Как отвалился? – испугался я.

– Да не в буквальном же смысле, – Наталья засмеялась – Но я два раза драйверы переустанавливала. Ну, а что Боря опять химичит – это ты уже понял.

С Наташей работать – одно удовольствие. Минувшим летом мы познакомились на Митинском рынке, где покупали «железки». Выяснилось, что мы оба занимаемся одним и тем же, то есть держим компьютерные залы; правда она специализировалась больше по играм, а я – по сканированию, печати и Интернету. И она, и я были на грани закрытия, а потому, после беседы за пиццей с кофе, решили объединить наши усилия. И это оказалось неплохой идеей – по крайней мере, про то, чтобы сворачивать бизнес, сейчас речь уже не шла. С мозгами у Наташи оказалось все в порядке, более того, я до нее вообще не встречал женщин, действительно умеющих обращаться с компьютерами. Она с одинаковой легкостью могла установить операционную систему, поменять видеокарту, обжать кабель или, к примеру, «сделать» вас в «Каунтер страйк» по сети. Или подготовить документы для налоговой инспекции. Думаю, что и ее не слишком расстроил наш вынужденный альянс, хотя, подозреваю, она не отказалась бы вывести отношения за рамки чисто деловых. Но этого не хотелось мне. Я опасался, что подобное может только повредить бизнесу, да если честно, не мог представить Наташу кем-то еще для себя, кроме как в роли компаньо-

на. Она года на три моложе меня, вроде бы из хорошей семьи. Бауманку опять же закончила. Можно назвать симпатичной, если вы ничего не имеете против почти серых волос, стянутых довольно пышным «конским хвостом», ярко-голубых глаз на скуластом лице, небольшого курносого носика, красиво очерченных тонких губ, не знакомых с помадой типа «Глэм Шайн». Еще в ней было то, что женщины в объявлениях о знакомствах кокетливо называют «приятной полнотой». Пожалуй, ее тело при росте почти в метр семьдесят можно было даже назвать роскошным; я изредка ловил себя на мысли, что не отказался бы увидеть, как оно выглядит, если не упаковано, как обычно, в строгий деловой костюм светлых тонов. Да еще с галстуком. Наконец, вскоре после нашего знакомства я узнал, что Наташа уже побывала замужем, но из последствий брака у нее осталась только фамилия Дрозд.

– Пойдем покурим, – предложил я.

– Я бросила, – с отчаянием в голосе сказала Наташа. У меня хватило такта оставить это заявление без комментариев, хотя на моей памяти такое происходило уже в четвертый раз. Моя компаньонка держалась недели две-три, а потом, замечая, что кресло с каждым днем становится все более узким, возвращалась к вредной привычке.

– Пятый комп протестирую завтра, если ты не против, – сказал я. А руль можно подцепить к десятому, там, вроде бы гонки тоже установлены.

– На десятку я поставила третий «Дум», – заявила Наташа. На других он тормозит.

Я покачал головой. Мои мысли сегодня были далеко от компьютерных игр. Я думал о Дине и о том, что сегодня вечером она будет у меня дома. И Наташа не могла не заметить неладное.

– Что-то случилось?

– А? Нет, ничего особенного. Так, задумался – с машиной небольшие проблемы. Я свою «жигу» имею в виду, не компы.

– Слушай, плюнь ты на свои поездки, пока голову не пробили, неужели тебе все мало?

– Не забывай, что ты живешь в своей квартире с родителями, а я вынужден снимать хату. А пока хата стоит двести баксов в месяц, мне придется таксовать.

– Я слышала, есть немало способов для снижения платы, – едва заметно улыбнулась Наташа.

– Я тоже, – сказал я. Намекает? Только на что?

– Может, все-таки скажешь, что у тебя за проблемы? – спросила Наталья. – Ты вспомни, мы ведь пару раз друг друга уже выручали.

Я снова покачал головой. Да, было дело. Когда гопники стали обижать Наташиного племянника, я сказал об этом Сурку, и гопники переключились на кого-то другого. Когда у моей машины полетел двигатель, и его перебрали за треть цены – за это спасибо Наташе и ее дяде из автосервиса. Но

сейчас было совсем другое дело и Наташа о нем, что вполне понятно, знать не должна. Не должна знать о той, с кем я сегодня встречаюсь. Тихо в лесу, только не спит косой; сегодня косой там что-то с лисой, вот и не спит косой. Господи, быстрее бы этот день прошел, что ли?!

* * *

Дина меня удивила – она не опоздала. Я притормозил у «Алексеевской» ровно в семь вечера, а девушка появилась в две минуты восьмого. Я этому находил только одно объяснение – она меня хочет. И это тешило мое мужское самолюбие так же сильно, насколько сильным казалось мое чувство в этот момент. Если вам знакомо подобное, значит, вы более снисходительно отнесетесь к тому, что произошло потом.

Как и вчера, Дина была в кожаном пальто, только теперь еще и в брюках, вместо юбочки, а лицо, как и вчера, частично скрывали большие дымчатые очки. Кроме шляпки на голове Дины красовался платок, из-под которого выбивались крашенные в темный цвет локоны.

Не буду повторять сказанные нами слова, когда девушка села рядом со мной: наверняка вам тоже приходилось их произносить или слушать. Наконец Дина задорно сказала:

– Ну, что? Поехали?

– И куда же? – Я этого не хотел, но рефлекс таксиста, пусть даже и не профессионального, сделал свое – моя рука сама

собой повернула ключ зажигания.

– Немного в сторону Добролюбова. Там есть один интересный магазин.

Магазин действительно оказался «интересным». До этого момента мне как-то не приходилось посещать секс-шопы. Пожалуй, нет смысла подробно описывать ни ассортимент товара, ни то, что мы выбрали из него (тем более что выбирала Дина.) Нет смысла рассказывать и о том, как мы использовали купленное; скажу лишь, что эту ночь Дина провела у меня дома. И еще добавлю, что быстро вошел во вкус: подобной партнерши – раскованной, лишенной малейшего намека на какие-либо комплексы – у меня еще никогда не было. Сплошные изыски и «бзики». Правда, Дина предпочитала заниматься этим почти в полной темноте, если не считать пламени одинокой свечки где-то в самом удаленном от постели углу комнаты. Я так и не увидел ее полностью обнаженной – до четырех утра она так и не разоблачилась окончательно, оставаясь в коротенькой свободной шелковой рубашке и чулках на широком поясе. Распушенные черные волосы скрывали ее лицо не хуже восточной паранджи... Но я теперь ни за что не поверю тому, кто скажет, что совершенно голая женщина выглядит эротичнее!

Забавно, но второе посещение секс-шопа произошло уже на следующий день. Утром Дина за чашкой кофе (она даже за столом в кухне сидела в своих громадных очках с небольшими, как я заметил, диоптриями) намекнула на то, что все-

гда хотела попробовать что-нибудь особенно пикантное. Мы договорились, что ближе к вечеру встретимся на прежнем месте, а там, по пути ко мне, заглянем в тот же самый магазинчик.

Сказано – сделано. Дина приглядела довольно жуткий набор – кожаное боди, кожаную же маску с замком-«молнией» на месте рта, стальные наручники, а также несколько ремней с карабинами и пару небольших плеток.

«Интересно, эту упряжь можно еще как-то по-другому использовать?» – спросил я вслух, когда мы грузились в машину, про себя думая, что еще несколько дней назад ни за что бы не подумал, что буду приобретать подобное. «Только по назначению врача, – усмехнулась Дина. – Я хочу испробовать все это на себе первой».

Но этим вечером я ложился спать один – Дине кто-то позвонил на мобильный, и она с видимой досадой сказала, что поедет домой – что-то у нее там стряслось.

Мне было скучно. Когда я запихнул машину в «ракушку» и вернулся домой, часы показывали половину девятого вечера. Но таксовать сегодня не хотелось. Можно было неожиданно нагряться в «Оберон», навести шороху на дежурного админа, но я резонно предполагал, что сегодня вечером туда заглянет Наташа. И стоило мне про нее вспомнить, как мобильник тут же запиликал.

– Да, Наташа, – сказал я, обратив внимание на знакомый номер на дисплее.

– Как ваше «ничего», господин Жариков? – деликатно поинтересовалась моя компаньонка.

– Ничего, – ответил я.

– Таксуешь?

– Нет, дома сижу, – машинально ответил я. И спохватился: сейчас она наверняка попытается меня куда-нибудь вытащить.

И точно!

– Я минут через пятнадцать буду возле «Макдоналдса». Ну, возле того, на перекрестке. Компанию не хочешь составить? А то, если меня никто не остановит, я съем два биг-мака и завтра не смогу войти в дверь.

Самое смешное, что мне страшно хотелось есть. И жутко было подумать о долгом вечере в пустой квартире.

– Придется, видимо, тебя спасать, – усмехнувшись, ответил я. – Скоро встретимся.

Разумеется, машину я вытаскивать из «ракушки» уже не стал. Да и вообще – двадцать минут прогулки по вечерней Москве – разве это много?

Наташу я увидел издалека – при своих неоднозначных внешних данных выглядит она все же ярко и достаточно мило – на таких женщинах, что называется, глаза отдыхают. Вот ведь загадка – и умна, и симпатична, и вроде не стерва, а душа что-то к ней не лежит. Ну, несколько широковата, так у меня и более толстые подружки когда-то были.

– Неприятности? – спросила она, когда мы взяли по биг-

маку, и мне тут же отдали половину порции.

– Угм... Ну... – попытался я уйти от ответа, расправляясь с котлетой. – Какие у меня могут быть неприятности?

– Ну, не знаю... Ты в последние дни весь какой-то... Озадаченный.

Будь на месте Наташи другая женщина, я мог бы и слегка нахамить. Но ей – ни за что.

– Да вот думаю, может оператора на постоянку принять – копировал чтобы там, распечатывал... А? Потом, у меня заказчик нарисовался – ему «дивиди» в больших количествах штамповать надо. Самим-то чего в салоне целыми днями торчать?

Я выслушал короткую лекцию об экономии средств и рассказ о том, как Аватару не далее как сегодня впаяли большой штраф за злостное пиратство. Я выразил сомнение насчет штрафа, и предположил, что речь шла о взятке. Аватар слишком известен своими делишками, чтобы отделяться штрафами – не давай он на лапу проверяющим органам, его давно бы уже отформатировали. Мы начали спорить о том, кому именно на лапу дает Аватар, и сколько, но мне того только и надо было – с Наташей лучше говорить о деле, нежели о делах сердечных. И все-таки, когда мы закончили трапезничать, она еще раз поинтересовалась, чем вызван мой озадаченный вид – бизнес, по ее мнению, наносит на мою физиономию совершенно иное выражение.

Мне опять пришлось врать. Ей-богу, Наташа видела, что

я вру, и я понимал, что она это видит, но не рассказывать же ей правду! Тем более, ну кто она мне? Коллега по ремеслу... Или все же больше, чем просто коллега?

Я проводил ее до такси – сам вызвал по телефону, давая понять, что провожать не пойду, да и домой к себе приглашать тоже не намерен. Она все отлично поняла, но даже не подала виду, что это вызывает у нее какие-то эмоции. А может – кто ее знает – у нее вообще никаких задних мыслей не было. Помахав мне рукой, она села в машину и улыбнулась на прощание – так может улыбаться сестра.

III. Смерть в черной маске

Следующим днем я с трудом находил себе место. Но работа отвлекала от посторонних мыслей – я как раз трудился в «Обероне», выполняя срочный заказ: знакомый фотограф подкинул несколько слайдов, которые нужно было перегнать в «цифру».

Можно было позвонить Дине, но свой номер телефона она мне не оставила, хоть я и просил (правда, мог бы и понастойчивее)... Но под вечер она все же позвонила, когда я уже лез на стенку.

Мы довольно мило поболтали и условились, что я буду ждать Дину на «нашем» месте в половине девятого вечера.

Собираясь на встречу, я вдруг вспомнил одну вещь. Порылся в тумбочке, шкафу... И только на кухне наконец обнаружил брошку с голубым камнем – ту самую, что Дина потеряла у меня в машине, отбиваясь от Сурка. Надо будет отдать ее сегодня, подумал я.

...Девушка выглядела более возбужденно, чем обычно. По ее словам, возникшие было домашние проблемы она уладила, и ничего не имеет против того, чтобы забраться в мою берлогу хоть на сутки плюс весь предстоящий уик-энд (нынче как раз был четверг). Можно было легко догадаться, какого рода оргия мне предстоит, если вспомнить, что за цацки лежат у меня дома.

Дина за них и схватилась почти сразу. Похихикав и исполнив несколько ритуальных танцев, моя странная партнерша удалилась в ванную, причем все эти кожаные штучки прихватила с собой. В ванной после душа она и переоделась – ну и зрелище, скажу я вам, предстало передо мной! Кожаная голова и кожаное туловище, плюс перчатки до локтей и черные чулки. Но ножки превыше всяких похвал, также, как и тело, туго затянутое в блестящее боди. Уверенно и как-то уж очень профессионально переставляя ноги в туфлях на длинных каблуках, Дина продефилировала по комнате, бросилась на кровать и покачала наручниками, которые взяла с тумбочки. Наша оргия, кажется, начиналась славно...

Но завершилась она тем, что я стоял над лежащей женщиной, упакованной в черную кожу, и не знал, что теперь делать. Дина не шевелилась, и стало понятно, почему она не откликнулась, когда я позвал ее. Голое горло между маской и ремешком-воротом было разрезано почти от уха до уха, а последствия такого вмешательства в организм обычно приводят к тому, что человек резко теряет интерес к происходящим событиям.

Пол под ногами тошнотворно качнулся. Я с трудом заставил желудок успокоиться и начал искать глазами телефон. Он валялся на тумбочке, там, где я его оставил. Рядом с голубой брошью Дины... Схватив трубку, я собрался было набрать очень простой номер, да задумался.

Если приедут менты, то мне в любом случае ночевать се-

годня в кутузке. Ведь что они увидят, когда войдут в квартиру? Они увидят, что не на шутку разошедшийся садист перестарался и прикончил свою партнершу, которая к тому же была прикована к кровати и вряд ли могла оказать сопротивление. А извращенцев никто не любит, думаю, менты не исключение. Так что когда назначат следователя, он уже будет хорошо представлять себе, что я – сексуальный маньяк-убийца, пусть даже и сдавшийся властям самостоятельно, но при этом придумавший малоправдоподобную сказочку о посторонних в квартире. Следователь посмеется и отправит меня в камеру. А по пути меня, скорее всего, будут угощать дубинкой по почкам, а уж о том, что ждет в камере, и говорить не приходится.

Итак, в милицию звонить нельзя. Особенно если учесть, что друзей среди высокого начальства у меня нет, а это значит, что защитить по знакомству меня вряд ли кто сумеет, даже если бы и захотел.

Кто же это у меня побывал здесь? Это были не воры. Кому-то нужно было убить Дину и обставить дело так, что убил ее я... Зачем? Кому это надо? Господи, ну кому я мог помешать? И кому могла помешать Дина?

Но надо что-то делать. Убийцы, что вполне возможно, уже сравнительно далеко, и сейчас сами звонят в милицию, сообщая, что в квартире такой-то на первом этаже кого-то режут. В последнее время менты стали расторопнее, может быть, кто-то из них уже спешит сюда?..

Я вскочил. Времени нельзя было терять ни минуты. Стараясь не глядеть на страшную маску, почти на ощупь разомкнул наручники – на улице сгущались сумерки, а свет зажигать не хотелось. Сорвал с кухонного стола клеенку, бросил ее рядом с кроватью... Что дальше? Вот что!

Вытащив из шкафа старые джинсы и свитер, я кое-как натянул их на труп. Затем хорошенько заклеил глубокую рану лейкопластырем и обмотал шею черным в красно-зеленую клетку шарфом. Сняв тело с кровати, плотно скрутил окровавленные простыни в узел и завернул его в клеенку. Матрац был дерматиновый, поэтому я просто наспех протер его той же простыней.

Так, часть дела сделана. Теперь надо убрать труп из квартиры и на какое-то время убраться самому. Но если я выйду из подъезда черт знает с чем на руках, да еще стану обходить весь дом... Не годится.

Тут мне повезло еще раз. Спеша повеселиться, я бросил машину аккурат под окном кухни. А живу я по-прежнему на первом этаже. И решеток на окнах нет – ну кто полезет в полупустую квартиру, откуда и брать-то нечего?

Впрочем, ко мне уже лазили нарики, что греха таить. Но раз меня это ничему не научило, грех не воспользоваться незарешеченным окном. Я подтащил Дину к окну кухни, надеясь, что не запачкаю пол. «Как-то уж слишком мало в ней крови», – вяло подумалось мне. Открыл створки, впустив холодный воздух, пахнувший выхлопными газами. На дворе уже

было довольно темно, поблизости никто не торчал. Ладно, другого выхода нет... Казалось, надо сделать что-то еще... А, вот что.

Я сбегал в прихожую и нащупал на антресолях старую фетровую шляпу, в которой еще в студенческие годы ездил рыбачить на Яузу. Сойдет. Я нахлобучил этот убор на обтянутую маской голову Дины, и у меня сразу же получился упившийся в стельку чернокожий мужик. Думаете, таких мало в Москве? Как же!

Последнее, что я сделал, это собрал всю одежду Дины, включая висящее в прихожей пальто, и запихал ворох в шкаф, стоящий в комнате. Потом разберемся.

Пора драпать. Стоп! Где, черт, ключи от машины? Я похолодел. А если бы забыл? Вот ведь ворона! Также, как и ключи от квартиры, они остались в барсетке, а барсетка осталась в прихожей. Пришлось снова идти туда. Но теперь действительно можно было удирать и не беспокоиться о немедленном возвращении.

Непросто было перевалить тело через подоконник и спустить его вниз, привалив к машине. И страшно было затем вылезать с большим узлом из окна квартиры, пусть даже из своей собственной. Я надеялся, что если меня кто и заметил, то не стал сразу же нажимать кнопки телефона, резонно решив, что два типа, покидающие чью-то хату через окно – совершенно не его дело. Я, например, сомневаюсь, что стал бы кому-то сообщать, заметивши подобное. Москва

есть Москва, здесь каждый за себя, а бога в этом городе давно уже нет.

Не слишком легко оказалось и захлопнуть окно снаружи, но сейчас было не до тщательности в подобных вещах. И не менее сложно было обойти вместе с Диной машину, чтобы усадить покойницу на переднее пассажирское сиденье. Все же, надеюсь, со стороны это выглядело, как будто один мужик сажает в машину другого, вдребезги пьяного – картина для большого города опять-таки нередкая.

«Вдребезги пьяный» неловко сел на сиденье, голова в маске и шляпе завалилась назад. Из-под шарфа донесся жуткий булькающий хрип, пусть даже и приглушенный, но меня снова замутило. Несколько минут пришлось потратить на то, чтобы ровно усадить Дину и туго пристегнуть ее тело ремнем безопасности. Из бардачка я достал скотч, и несколькими лентами приклеил голову к сиденью, чтобы сильно не заваливалась.

Так, можно садиться за руль... Я попытался захлопнуть дверь, но ей что-то мешало. Еще раз... Что-то треснуло. Я с ужасом заметил, что в щель между дверью и порогом попала рука в черной перчатке, и я вдребезги раздробил покойнице мизинец.

Однако повредить Дине уже было трудно. Я сел на водительское место, натянул трупу шляпу пониже на глаза, немного ослабил «молнию» на маске и прижал замком прикуренную сигарету. Тело было готово к перевозке. Я заку-

рил сам, вставил ключ в замок зажигания и повернул стартер. Стартер взвизгнул, машина ровно задрожала – двигатель благополучно запустился. Я тронул «жигу» с места, но тут же в панике нажал педаль тормоза – предательский узел с окровавленным бельем остался ведь прямо под окном!

Двигатель моментально заглох. Пришлось выйти, открыть багажник и запихнуть узел внутрь. Я закрыл багажник, перевел дыхание, и услышал звуки, которые в данной ситуации хотел бы слышать меньше всего на свете.

Милицейская сирена.

И, похоже, с каждой секундой все ближе.

Я запрыгнул на сиденье, снова повернул ключ. Стартер заржал... Но на этом дело закончилось. О черт! Еще раз... Еще... Двигатель не заводился. А звуки сирены были все ближе, и мне показалось, что я вижу на стенах домов зловещие красно-синие отблески маячков.

Дрожащей рукой я снова повернул ключ и – о чудо! – мотор запустился. Судорожно, рывками, автомобиль двинулся с места, но я поехал! И пусть только метров через пятьдесят сообразил, что двигаюсь на ручном тормозе, но я оказывался все дальше и дальше от дома. Вывернув на проспект, прикурил новую сигарету и позволил себе чуть-чуть расслабиться, насколько это возможно, если рядом сидит труп женщины, с которой у меня не так давно был секс... Черт, неужели правда был? Сейчас мне в это с трудом верилось. Мне вообще с трудом верилось в то, что вся эта беда происходит сейчас

со мной.

Я снова взялся за телефон и принялся прокручивать список своих абонентов. Кому звонить? Кому, черт возьми, можно звонить, когда ты по уши в таком дерьме?

Маме в Шатуру? Даже не остроумно.

Бывшему своему шефу, начальнику отдела АСУ? Тоже не смешно.

Ренату, сборщику компьютеров? Хоть и приятель, но он-то каким боком?

Сергею с Пантюхой? Их я вижу не каждый месяц, не такие уж они мне друзья, и пусть они могут меня выручить по какому-нибудь пустяку, но дико даже подумать, что будет, если я заявлюсь к ним с подобной заморочкой.

Сурку... Туда, где он сейчас, дозвониться не удастся. А его последний номер по-прежнему забит у меня на трубке, и стереть его рука почему-то не поднимается.

Виктору Китанову, патологоанатому? Этого человека более чем кого-то еще, я мог бы сейчас назвать другом... Но стоит ли взваливать на него свою проблему? У него семья, служебное положение... В морге, с холодильниками...

Палец сам нажал нужную кнопку. «Абонент отключил телефон», – ответил мне робот. Где городской? Вот он. Или, может, все-таки не надо звонить? Прокрутить список до конца?

Фамилии, имена, прозвища... Дрозд Наталья. Чтобы решиться позвонить ей, мне пришлось свернуть к обочине,

остановиться и минут пять взвешивать все «за» и «против». Но я их взвесил. И потому Наташа теперь сидела в «Жигулях» рядом со мной и выслушивала все, что я счел нужным ей рассказать. А рассказал я почти все, выпустив лишь совсем ненужные ей подробности.

– И что ты теперь будешь делать? – тихо спросила Наташа.

– Не знаю... У меня в голове такая каша... Я хотел позвонить Китанову, помнишь, рассказывал тебе про мужика, который в морге работает? Ну, дал бы ему денег, чтобы он спрятал труп в холодильнике... Не знаю.

– А если он тебе даст денег и предложит спрятать труп? Ты согласишься?

– Ты знаешь, я бы задумался.

– Тогда давай исходить из того, что этот Китанов откажется. В лучшем случае. В худшем – сдаст тебя ментам. Это ты допускаешь?

– Боюсь, что может быть и так. В общем, я не знаю, что делать... Думал, может, уехать за город, закопать... Не знаю.

– Я знаю, что можно сделать, – вдруг сказала Наташа. – Садись за руль, поехали.

– Куда?

– Ко мне на дачу. Быстро, время дорого.

Не стоило сейчас задавать вопросы. Я перебрался вперед, запустил двигатель, и спросил:

– В какую сторону?

Наташа объяснила. Я вывернул на дорогу, взглянул на ча-

сы (почти десять) и дал газ. Потухшая сигарета выпала изо рта мертвой Дины. Я прикурил две, одну стал курить сам, другую несколько навязчиво предложил труп. Наташа сзади покашляла – видимо, тоже хотела табаку, но терпела.

– На даче кто-нибудь есть?

– Нет. Не сезон. Мои только в конце апреля начинают выбираться.

– Понял. Мы оставим ее там?

– А ты хочешь все время возить ее в машине?

Я замолчал. И почти в молчании мы провели всю дорогу до дачи (ехали без малого сорок минут от Кольцевой), лишь иногда Наташа уточняла направление.

Дачный поселок Куличево казался вымершим – ни одного огонька в домах. Не сезон, стало быть... Я направил машину к нужному участку и остановился возле ворот. Дорога, к счастью, была хорошо очищена, чего не скажешь о положении дел на участке – при свете фар было видно, что снега там выше, чем по колено.

– Выходим. Бери сразу лопату, если есть.

– Наверное, нужен фонарь...

– Бери, конечно.

Мы вышли из машины, я вытащил из багажника лопату, и Наташа потребовала, чтобы я шел к калитке первым. Отворять ее было бессмысленно, но она была значительно ниже, чем забор вокруг участка, и поэтому я довольно бодро через нее перелез. Кроссовки уже были битком набиты снегом.

– Вот тут разгребай, – Наташа показала на небольшой буржок возле сарая. – Это погреб. Там снег до мая не тает, проверено.

Я очистил от снега крышку погреба и осветил ее лучом фонаря. Черт! Замок!

– Ничего страшного, ключи здесь... – Наташа подошла к сараю, пошарила по стенкам и, видимо, нашла связку где-то в тайнике под доской. – Вот они, открывай.

Замок пришлось отогреть – я сжег несколько страниц из старого журнала, завалившегося в машине. Вместе с журналом мы принесли и Дину, которая уже стала плохо сгибаться. Господи, как мы волокли ее к погребу и как спускали вниз, об этом лучше не вспоминать.

Труп уселся на земляной пол, привалившись к одной из стенок среди старых коробок и пустых стеклянных банок. Сигарету он опять где-то потерял.

– Кинь вниз несколько лопат снега, – посоветовала Наташа. Я последовал этой рекомендации. Затем мы закрыли погреб, я забросал крышку снегом, и мы понемногу стали пятиться назад, к машине. Наташа покидала участок первой, я шел следом и забрасывал снегом следы. Конечно, любому бы стало ясно, что по участку кто-то бродил, но если выпадет еще немного осадков, у следопытов появится неуверенность.

Машина – умница, завелась как швейцарские часы. Я выбрался с дачной улицы, вырулил на шоссе, и только после этого обратился к моей компаньонке, теперь уже и подель-

нице:

– Если я правильно понял, мой срок истекает в конце апреля?

– Даже в середине. А вообще – чем раньше, тем лучше.

– Вопросов нет... Может, выпьем, как приедем в город Москва?

– Выпьем. Только не сразу. Едем к тебе, и как можно скорее.

Если у меня еще были какие-то сомнения, но Наташа быстро их развеяла, позвонив домой родителям и заявив, что ночевать не придет.

Вернулись мы еще до полуночи. Я поставил машину на прежнее место, под окно кухни, и мы пошли ко мне. Я открыл дверь и впустил Наташу внутрь. Видно было, что она чертовски устала. Что касается меня, то я вообще валился с ног.

– Мне срочно нужно в ванну, – заявила Наташа. – У меня совершенно заledenели ступни – я набрала полные ботинки снега. Где у тебя включается свет?

Я зажег. Наташа сама поставила сиденье поперек ванны и сняла со стены пластмассовый таз.

– Будь добр, дай мне, пожалуйста, полотенце, и оставь меня минут на пятнадцать.

Я нашел самое большое махровое полотенце, а сам ретировался, прикрыв дверь. Наташа включила воду – не иначе, решила просто погреть ноги. Я ей позавидовал – у само-

го ступни были как у гуся, но пока пришлось ограничиться стаканом водки внутрь из неприкосновенного запаса. Ладно, копыта подождут, сейчас неплохо бы разобраться, что еще неладного у меня в квартире.

Включив свет в комнате, я сразу увидел, что «неладного» еще хватает: возле кровати обнаружилась небольшая лужица уже засохшей крови. И еще увидел несколько темно-красных пятнышек прямо посреди кухни.

Пора было замечать следы неизвестно чьего преступления. Я вооружился тряпкой и помойным ведром, после чего принялся оттирать пол. И когда уже заканчивал свой нелегкий труд, обнаружил еще кое-что, заглянув под кровать. Там лежал продолговатый и блестящий предметик. Я протянул руку и взял тонкую стеклянную трубочку длиной сантиметров десять. Что за ерунда? Такого у меня в доме не было...

В дверь позвонили долгим звонком, а спустя секунду заколотили так, что затряслись косяки. Лупили, похоже, ногами.

Я здорово струхнул. Но открывать было надо. Иначе мне точно вынесли бы замок.

– Сейчас! – заорал я. – Минуту!

Удары стихли. Я сунул куда-то найденную трубочку, щелкнул замком, толкнул дверь (одиночная, но открывается правильно – наружу), и в прихожую ввалились трое в серой милицейской форме – лейтенант в плаще и два сержанта в камуфляже, причем один из них вооруженный коротким ав-

томатом. Офицер казался смутно знакомым – по-моему, я его видел пару раз в нашем дворе. Участковый?

– Что у вас тут происходит? – мрачно спросил он.

– Ничего... – довольно глупо ответил я. Лейтенант потянул тренированным носом.

– Вы разрешите нам осмотреть квартиру? – последовал вопрос, заданный тоном, не ожидающим возражений.

– А что случилось? – послышался из-за моей спины голос, да такой мелодичный и чувственный, что я даже не сразу узнал его.

Я повернулся и испытал легкий шок: такой мою компаньонку я еще не видел. Наташа распустила по плечам пепельные волосы, расстегнула три верхние пуговицы на блузке, сняла пиджак и юбку, а вместо нее обернула вокруг бедер полотенце, причем так высоко, как это только возможно. Ноги оказались подстать роскошному декольте и к тому же без малейшего намека на целлюлит. Менты, похоже, слегка онемели.

– Нам уже несколько раз звонили и сообщали, что в вашей квартире громко кричат и стучат. Возможно, даже кого-то убивают, – несколько менее уверенно произнес лейтенант.

– Ой, ну пошумели немного, – жеманно хихикнула Наташа.

– Стенки-то в доме видите, какие? – поддакнул я. – А соседи нервные. Вот и звонят... А из какой квартиры, не скажали?

– Вы лучше скажите, почему не открыли в первый раз? – подал голос один из сержантов. – А?

На лице лейтенанта появилось выражение досады. Вызванной, очевидно, тупостью пэпээсника.

– А вы бы открыли? – еще более жеманно произнесла Наташа и, сделав шаг вперед, слегка обняла меня за плечи.

Стражи порядка так и пожирали ее глазами. Но лейтенанту через пару секунд стало скучно. Он, конечно, обошел квартиру, заглянул даже в шкаф. Но так, для порядка.

– Ладно, пошли, – вернувшись в прихожую, бросил он сержантам. – А вы все-таки... – Он выдержал паузу. – Постарайтесь вести себя потише.

– Нет проблем, офицер, – промурлыкала Наташа.

Дверь закрылась. Наташа спокойно отпрянула от меня и перевела дыхание.

– Ну, ты актриса, – восхищенно произнес я, тоже выдохнув с облегчением.

– Выпивка есть? – осведомилась Наташа.

– Есть.

– Надо, – просто сказала она, вновь скрываясь в ванной.

– Понял. – Я направился в кухню, достал початую бутылку «Гжелки», к которой несколько минут назад приложился, и поставил остатки жареной картошки в микроволновку.

Скоро появилась Наташа. Она слегка разочаровала меня тем, что сменила полотенце на свою строгую юбку и заколола волосы. Правда, на блузке были по-прежнему застегнуты

не все пуговицы. Но уже не три, а только одна. Ясно, цирк закончился.

– Ты понял, что они уже не первый раз к тебе долбятся?

– Конечно. Похоже, мне опять повезло.

– Ну, если ты это называешь везением... Давай-ка выпьем.

Я не стал возражать. Полминуты спустя я развил мысль насчет везения:

– Если бы они сломали дверь, пока нас не было, у них появилось бы много вопросов.

– Что-то обнаружил?

– Ага. Кровь на полу. У кровати и немного на кухне.

Наталья бросила взгляд на пол. Но здесь уже было чисто.

– Что-то приходит на ум?

– Такое ощущение, что кто-то прошел в душ и попытался вырубить меня, а потом, пока я валялся без сознания, перерезал Дине горло.

– Как-то не совсем правдоподобно.

– Согласен. Но я опять ничего не понимаю.

– Как ее, говоришь, зовут?

– Дина.

– А фамилия?

– Не знаю, представь себе.

– Ну сейчас-то мог бы узнать?

– Это как?

– У нее же сумочка, нормальная одежда где-то должны

быть...

– Черт возьми! – воскликнул я.

И кинулся в комнату, к шкафу. Так, пальто, юбка, жакетик... Махонькая косметичка... Что-то сумочки никакой не вижу... Черт, а была ли она вообще?

Из вороха одежды выпала и спланировала на пол чья-то фотография. Но это было единственное, что можно было с какой-то натяжкой отнести к документам.

Я посмотрел на снимок. Формат чуть меньше стандартного девять на тринадцать – края обрезаны. Портрет в три четверти. Незнакомая улыбающаяся девушка. Блондинка. Красивая. Фото, наверное, сделано в ателье – под снимком вытиснен золоченый логотип со словами «Эль Торо» и мордой улыбающегося быка. Молодая женщина накрашена, волосы собраны в высокую прическу, на шее – небольшое кольцо. Забавно – если покрасить волосы, надеть темные очки, платок, получится как есть Дина.

– Да-а... – сказала Наташа, взглянув на фото, когда мы еще немного выпили-закусили. – У тебя сейчас нет другого выхода, кроме того, как разобраться в том, что произошло. Ты понимаешь?

Спиртное быстро подействовало на Наташу. Лицо зарозовело, речь стала чуть сбивчивой. Но глаза глядели трезво и серьезно.

– Понимаю. И помню, что у меня мало времени, – сказал я, закуривая.

– Мало... Дай сигарету.

– Не дам, ты же бросила.

– Дай, не будь жадиной. Я выпила, мне надо покурить. А то меня разопрет.

– Не разопрет, если ты будешь пореже заглядывать в «Макдоналдс».

Мы начали нашу обычную дружескую перепалку, словно бы и не было зловещего трупа в погребке. Но я вспомнил, как он выглядел, да и Наташа, наверное, вспомнила, так что мы быстро прекратили подшучивать друг над другом.

– И чего я взялась тебе помогать, не понимаю, – вдруг мрачно заявила она. – Ты же редкая скотина и бабник. Да! Сам посуди, из-за кого ты попал в эту историю? Ведь из-за женщины, так ведь?

Я оставил этот выпад без комментариев.

– В принципе, я ведь тоже далеко не ангел... – Наташа вдруг сменила тон. – Слушай, я хочу спать. Положи меня где-нибудь, а? А хочешь, расскажу, почему Артем от меня ушел?

Кажется, так звали ее бывшего мужа.

– Потом расскажешь. Если сама захочешь.

– Да. Хорошо. Ну, правда, постели мне хоть где-нибудь. А то я сейчас упаду под стол.

– Это меньше чем со стакана водки-то?

– Да, меньше чем со стакана водки!

Я оставил Наташу на кухне и постелил чистое белье на кровать – ту самую. Другой в комнате все равно не было.

Ладно, сам на полу лягу – не впервой, час...

Когда вернулся в кухню, то убедился, что Наташа почти уже добралась до моего курева. После короткой борьбы отобрал у нее незажженную сигарету и предложил отправляться на боковую. Молодая женщина пару секунд думала, но потом встала и позволила отвести себя в комнату. Я показал ей, куда ложиться, она понимающе кивнула, а я молча ушел обратно в кухню. Может, кто на моем месте поступил бы иначе? Не знаю, не знаю.

Итак, что же произошло у меня дома? Дина легла на кровать, я пристегнул ее наручниками к спинке, сам пошел в душ. Стоп! А ключ от наручников? Все правильно, бросил его на тумбочку рядом с кроватью, где и нашел потом. Дина никак бы не смогла до него дотянуться. Конечно, наручники, прямо скажем, бутафорские, но все же с металлическим замком, и просто так из них не вывернуться. Где скрывался убийца? В кухне? Вряд ли, мы туда заходили. Может быть, в шкафу? Я пошел в душ, некто двинулся за мной – что, Дина бы его не увидела и не заорала бы? Может, она и сделала попытку заорать, но тут же получила ножом по горлу? Пожалуй, это хоть что-то объясняет... За исключением мотивов, разумеется.

Я почувствовал, что мои мозговые извилины свиваются в морской узел. Ничего не понимаю. Ни-че-го. Кроме того, что я в опасности. Либо рано или поздно до меня доберутся менты, что вполне возможно, либо (что гораздо вероятнее)

те, кому я мешаю, просто прирежут Саню Жарикова в темном переулке под видом ограбления.

Хорошо, подумаем с этой стороны. Кому я мог помешать? Что я знаю такого, что может быть опасным для ребят веселых профессий? Да ничего, черт возьми! Я сроду не переходил дорогу бандитам, а если и приходилось с ними сталкиваться, то лишь по стандартным вопросам, как-то: где таксовать, на каком расстоянии от центральных улиц держать салон, и тому подобным. Неужели придется «плясать» от Дины, которая сейчас лежит в погребке? А что? У вас, господин Жариков, есть еще какая-нибудь идея? В том-то и дело, что нет.

Я прошел в комнату, посмотрел на спящую сном младенца Наташу, затем перевел взгляд на тумбочку. Брошь с голубым самоцветом по-прежнему лежала там. Почему же Дина не обратила на нее внимания? Неужели ее так захватили наши сумасшедшие игры?

IV. Московская отзывчивость

Ночью я, что вполне понятно, спал плохо. Наташа, в отличие от меня, провалилась в сон глубоко, но она и лежала-то на кровати, а я постелил себе на полу. Среди ночи я несколько раз просыпался, и раз даже черт меня дернул пойти на кухню – мне показалось, что окно открылось, и потянуло холодом. Окно действительно оказалось распахнутым. Я собрался было его затворить, но тут в проеме показалась голова в шляпе. Жуткое черное существо проворно перелезло через подоконник, и одним прыжком настигло меня. Я увидел горящие рубиновым огнем глаза в прорезях кожаной маски и разинутый рот с металлическими губами – краями замка-«молнии». Меня схватили за горло. Не помня себя от ужаса, я начал бешено отбиваться, и довольно удачно схватил существо за маску. Кожаное лицо неожиданно легко соскользнуло, но за ним я не увидел знакомых черт, да и вообще ничего человеческого. Только что-то невыразительное и неприметное, как матовая электрическая лампочка. Но монстр продолжал меня душить, и мне было до безумия страшно, да так, что я заорал дурниной. Впрочем, нет, не заорал. Просто жалобно замычал, но достаточно громко, чтобы проснуться.

Фу, черт! Сердце бухало как кузнечный молот, на лбу выступил пот, во рту было погано. Наташа, похоже, спала сном

праведницы. Электронный будильник показывал половину четвертого. Я в очередной раз вышел на кухню (окно, разумеется, было надежно задраено) и напился воды прямо из чайника. Затем вернулся на лежбище, и после этого проснулся уже около семи. Хм! В кухне что-то гремело, тянуло запахом кофе. Ай да Наталья!

Без лишних слов и церемоний мы позавтракали. Что бы вчера ни произошло, все должно идти своим чередом, сказала Наташа, и я был далек от того, чтобы спорить.

– А к вам вчера из милиции приходили, – объявила Вера Степановна из квартиры напротив, когда мы вышли на площадку. – Участковый. Часов в одиннадцать, наверное. Звонил в дверь долго, минут десять, наверное. А потом он уже в двенадцать с целым нарядом прибежал... А, ну вы его тогда впустили уже.

Готов поспорить на что угодно, что эта тетка давно ждала, подпрыгивая от нетерпения, когда я покажусь. Подростки из нашего подъезда прозвали ее «Соколиным глазом», думаю, понятно, за что. С одной стороны, неплохо, когда есть такой наблюдатель в доме; с другой – нет ничего хорошего в том, что ты перманентно находишься под соседским «колпаком». Кроме того, она сейчас просто поедала глазами Наталью, и можно быть уверенным, что все пенсионерки в микрорайоне сегодня узнают о том, что Сашка Жариков опять привел к себе девку, и опять новую.

– Я знаю, – ответил я. – Кстати, я дома сидел. Только не

хотел тогда дверь открывать, занят был...

– А-а, понимаю, – закивала головой Вера Степановна, снова принявшись разглядывать Наташу, чтобы запомнить навсегда. – Но вы уж Леонидычу лучше бы сразу открыли. Он мужик мстительный...

– Отвези меня, пожалуйста, домой, – попросила Наташа. – А тебе я советую заглянуть на работу. Мало ли что. Побудь там хотя бы два часа, потом я приеду. И будешь тогда свободен.

– Ты мне даешь отпуск?

– Без содержания.

– А если серьезно?

– Если серьезно, старайся не теряться. Так и быть, налоговую и прочую муть я беру на себя. Админов – тоже. Но если что свалится по технической части, будь любезен.

– Без проблем.

* * *

К тому моменту, когда в «Обероне» появилась Наталья, я уже наметил несколько отправных точек. Надо было действовать, и Наташа не стала меня удерживать.

Сначала я позвонил Виктору. У него мобильный не отвечал, а рабочий оказался безнадежно занятым, тогда я позвонил Соленому. Это был, пожалуй, единственный человек из столичной братвы, к кому я мог обратиться с какой-нибудь

просьбой. Он курировал нелегальных извозчиков, к которым относился и я, а кроме того, насколько мне было известно, имел общих знакомых с Володей Сурковым, из того же «бизнеса». Кроме того, он теоретически мог найти информацию о любом человеке из города Москва, зная только его имя и приблизительное описание.

Соленый согласился встретиться со мной немедленно, и я поехал на платную стоянку, куда минут через десять зарулила знакомая «БМВ» цвета серый металлик, причем ее водитель в отличие от меня, за парковку платить не был намерен.

По знаку Соленого я вышел из «Жигулей» и пересел в «БМВ».

– Привет, – сказал я.

– Здорово. Кто-то наехал? – без лишних церемоний любопытствовал Соленый.

– Нет, Влад. Тут другой вопрос?

– Хочешь расширяться?

– Нет. Дело не в работе. Я же намекал по телефону.

– Ну, мало ли... Говори, в чем проблема.

Соленый совсем не был похож на бандита. Он не стригся под спортсмена, не имел заметных татуировок, бычьей шеи и бычьего выражения лица. Да и речь Влада была почти свободна от блатного сленга. Однако я знал, что этот парень не боится таскать с собой нож с вылетающим лезвием и что он умеет обращаться с оружием. А если точнее, то мастерски владеть им. Умел он и драться. Не иначе, с кем-то побился и

на днях – из-под кожаной кепки на меху виднеется марлевая повязка.

– У меня есть друг, – начал я.

– Так.

– Зовут его Володя Сурков. Сурок. Слышал про такого?

– Кажется.

– Он недавно сел.

– Вспомнил. И что?

– Я хорошо знаю этого парня. Он мог пройти любую проверку на шивость. По всем параметрам.

– Так. И что тогда?

– На днях мне стало известно, что его опустили.

Соленый замолчал, постукивая пальцами по баранке.

– Опустили, значит, было за что, – сказал он.

– Я в этом не уверен. Кому-то нужно, чтобы он стал совсем безопасен. Возможно, парня хотят довести до самоубийства, или что-то еще в этом роде.

– Кому-то с воли?

– Скорее всего.

– Мусорам?

– Не уверен.

– Блатные так не поступают.

– Значит, это не блатные. И не менты. Но достаточно влиятельные люди.

– А ты не думаешь, что твоего друга было проще замочить, если он кому-то опасен? На зонах, знаешь, это делают

сплошь и рядом. И хозяин разбираться не очень-то будет.

– И все же. Влад, мне очень нужно знать, кому и зачем понадобилось опустить Сурка. Здесь что-то не так.

– Возможно, твой друг просто кому-то не понравился, и его решили обломать. Знаешь, если вся камера возьмется прессовать, тут хоть какой бы ты ни был крутой, против лома не поперешь... Но ладно. Я попробую узнать. И уж заранее извини, если информация, которую ты потом получишь, тебя огорчит.

– И так неприятно, Влад.

– Да уж, понятно. Это все, что ты хотел узнать?

– Нет. Мне нужно кое-то выяснить про одну женщину.

– Угу.

– Зовут Дина. Фамилии и адреса не знаю. Лет двадцать с небольшим. Рост где-то... – Я задумался. Девушка была весьма высокой, не ниже Наташи, а то и выше – почти с меня, а я в длину метр семьдесят семь. – Высокая, за метр семьдесят. Хорошая фигура. Может тусоваться в Глушанинском переулке, а также у метро «Алексеевская». Волосы красит в темный, почти черный, цвет...

– Цвет глаз, форма ушей, длина ног?

– Ммм... – Я немного задумался, но вдруг до меня дошло, что Соленый издевается. Действительно, попробуй найди в Москве девушку по такому описанию!

– Понял. Сложно, – сказал я.

– Сложно, – согласился Влад. – Путана?

– Нет. Не думаю.

– Тогда тем более не обещаю. Ну хоть лицом на кого похожа? Говоришь, Диной зовут? Русская?

Я опять задумался. У Дины было красивое, очень правильное лицо. Но я почти всегда видел его либо в больших темных очках, либо в полумраке машины или моей комнаты... Забавно! Я поймал себя на том, что не могу толком вспомнить лицо! Прямо хоть в погреб лезь...

– Русская, европейского типа, – вздохнул я. – Ладно, не грузись. Это моя проблема.

– Хорошо. Это все?

– Все. Буду должен?

– Там видно будет.

* * *

Только после беседы с Соленым, которая оставила у меня довольно тягостное впечатление, я понял, что мне жизненно необходимо поговорить с Сурком. Хотя бы потому, что тогда, под рождество я повез Дину именно с его подачи – ведь он же тогда сам «подогнал» мне клиента!

Но Сурок был недосыгаем. Оставались только адреса – Глушанинский переулок и та контора, где я подобрал Дину.

Частным сыском я отродясь не занимался и даже не предполагал, что мне придется когда-либо заниматься им. Мелькала у меня мысль – поручить дело какому-нибудь агентству,

но я побаивался. Приходилось слышать об этих детективах всякое. И что они только бабки рвать горазды, и что при любом удобном случае делятся информацией с милицией. Так что был большой риск оставить в таком агентстве кучу денег и получить взамен пирожок с хером жареным внутри.

Значит, придется действовать самому. Я подъехал сначала к тому офису, где двадцать четвертого января Дина впервые села ко мне в машину.

Рядом с не слишком приметной дверью, оборудованной электронным замком и системой видеонаблюдения, обнаружилась небольшая, но красиво выполненная табличка: «Агентство «Винтер»».

Я нажал кнопку звонка, а когда меня спросили, кого мне надо, я ответил просто «Дину».

Как я и предполагал, у меня стали выяснять фамилии. Той, кого я ищу, а заодно и мою собственную, и при этом усомнились, что какая-то Дина вообще сейчас здесь находится.

В Глушанинском мне повезло больше. Я с большим трудом отыскал кружной путь, каким можно было подъехать к старым пятиэтажкам, и остановился у дома, из которого уже двадцать пятого, в первом часу ночи, вышла некая Тома, встречавшая мою пассажирку.

Возле подъезда, оборудованного домофоном, имела место скамейка, а на скамейке сидела старушка. Она курила сигарету с мундштуком и зорко осматривала окрестности. Что

ж, это лучше, чем ничего. Я подошел и поздоровался.

– Скажите, Тамара живет в десятой квартире? – спросил я.

– В двенадцатой... Вам Тамара Зурина нужна?

– Да, если других Тамар в этом подъезде нет, – я сделал вид, что остроумно шучу.

– Других нет...

– Спасибо. – Я собрался было подойти к двери подъезда, но старушка остановила меня:

– Подождите, молодой человек.

– Да?

– Не надо туда звонить.

– А почему? Дома нет?

– Нет.

– Ну ладно, если вы это знаете точно, я вечером приеду...

– А вы разве не знаете?

– О чем? – насторожился я.

– Не будет Тамары сегодня, видимо. Не беспокойте никого. У них беда большая.

– Что случилось? – мне не стоило больших усилий изобразить беспокойство.

– Обе девочки пропали. Уже неделю, как их ищут. Не тревожьте родителей...

– Так, так... Дина разве тоже пропала?

Я попал в цель.

– Я же сказала, обе... А вы, молодой человек, собственно,

кто будете?

– Я... Ну, скажем так, работаю по соседству с Тamarой. И меня попросили приехать, узнать, что происходит.

– А! – Бабулька выбросила окурок и уставилась на меня с отвращением. – Так ты тоже из этого... Шок-арта, или как он там называется.

– Нет, что вы... Я просто инженер по компьютерам.

– Не врешь?

– Ни капли. – Я действительно был кристально честен.

– Ну, хорошо... – Старушка хитро прищурилась. – У внука компьютер барахлит. Не помотришь? А я тебе кое-что расскажу.

Отказываться было нельзя. Я бы не отказался, даже если и ни черта бы не смыслил в компьютерах.

– Давайте. Если можно, прямо сейчас. – А то меня на работе потеряют.

– Идем. – Старушка поднялась, и мы двинулись к подъезду. Похоже, она решила, что я не опасен для нее ни с какой точки зрения, а потому спокойно пустила меня в квартиру – она-то как раз и жила в десятой. По случаю рабочего дня квартира была пустой.

Компьютер оказался вполне приличным, только до безобразия расстроенным. Причина обычная – мальчишка полагал себя крутым специалистом, но руки на деле имел весьма кривые, и мне пришлось возиться минут двадцать, чтобы заставить систему работать как надо. Скажу честно – я управ-

вился бы и за десять минут, но пришлось потянуть время, чтобы выслушать все, что бабушка знает про жильцов квартиры напротив.

По словам Инессы Васильевны, в двенадцатой жили четверо. Хозяина квартиры звали Сергеем Масальским, и Дина была его дочерью. Тамара приходилась ему падчерицей, а жена Сергея, Зинаида Ласунова, была его второй женой. Но это еще не все: она не являлась родной матерью ни одной из девушек. В общем, когда-то Тамара, которая четырем годами старше Дины, жила с матерью и отчимом, ее отец давно погиб. Потом родилась Дина, при этом мать умерла, а отчим Тамары, он же отец Дины, женился вновь. Потому и фамилии у них разные: Тамара – Зурина, по родному отцу, а Дина – Ткачева, по родной же матери.

Разобраться в столь запутанных родственных связях было не так-то просто, но я к этому и не стремился. Мне было сказано, что в семье царили покой и согласие, пока девушки не связались с подозрительными типами, «которые ходят в эти ужасные ночные клубы», а Дина даже участвовала в каком-то непристойном шоу по телевизору, вроде конкурса с раздеванием. Как и следовало ожидать, ничего хорошего из этого не вышло, кроме того, что девушка бросила учебу в архитектурной академии, возомнив себя великой моделью – кстати, слово-то какое! Старшая сестрица немногим лучше: оставила постоянную работу в издательстве, начала рисовать вывески, халтурить, в общем.

А пропали они, причем, обе в один день – кажется, двадцать шестого января. Потому что родители – я их так могу называть – забеспокоились двадцать седьмого. Хоть и вертихвостки обе сестрицы, но не до такой уж степени, чтобы не позвонить, не сказать, что где-то задерживаются. Жалко, если что-то случилось...

* * *

Пока я ехал в сторону «Оберона» и размышлял, что делать дальше, запел телефон. А звонил не кто иной, как Виктор Китанов.

– Привет, – сказал я. – Слушаю.

– Привет, – произнес Виктор. – Я еще кое-то узнал.

– Про Сурка? – спросил я.

– В том числе. Может, подъедешь, поговорили бы.

– Могу прямо сейчас.

– Было бы неплохо. Жду.

Я немедленно развернулся и направился по направлению к больнице.

Ехать пришлось не очень долго. Да и Виктор уже ждал, можно сказать, в коридоре. Мы с ним дружески поздоровались, и Китанов провел меня в знакомую комнату, мы сели, закурили, и после секундной паузы он выложил:

– С Сурком все не так просто. Ты ведь знаешь, что ему инкриминируют?

– Слышал. Вымогательство, ношение оружия...

– Это еще не все. Похищение людей. Но про это пока не говорят.

– Странно. А почему?

– Не знаю. Могу только догадываться.

– Понял. Как говорили в «Бриллиантовой руке», «чтобы не спугнуть более крупную рыбу»?

– Видимо так. Теперь вот что скажи: в последнее время с тобой ничего странного не происходило?

Что за вопрос, черт возьми? Странное со мной действительно происходит... Но не говорить же теперь Виктору, в какую историю я попал!

– Не сказал бы...

– Ну а откуда все-таки у тебя беспокойство насчет Сурка? – глаза Виктора были очень серьезными. И вообще, он сейчас был совсем не похож на себя – куда только делись его театральные манеры!

Что бы такого соврать?..

– Сижу я однажды у себя в «Обероне», никого не трогаю, – начал я. – Вдруг заходит какой-то парень, на вид типичный уголовник, подходит ко мне, спрашивает: типа, ты Саня Жариков? Я отвечаю – да. Он мне говорит, привет тебе от Сурка, просит не забывать. Я говорю – спасибо, я друзей не забываю, так что все путем.

– А он что?

– Ничего. Хмыкнул, и ушел. Я немножко загрузился, а по-

том решил тебе позвонить. На всякий случай, не более того.

– Ясно. Не знаю, что это был за парень, и что он тебе на самом деле сказал, но у меня для тебя очень неприятные новости.

– Это какие?

– Следователь, работающий по Сурку, мне вот еще что сказал. Сурок вроде как сознался, что время от времени подсаживал разных девиц к нелегальным извозчикам. После этого девушки исчезали, а Володя шел в банк и снимал денежку, которую ему кто-то анонимно переводил. Причем девушки были, что называется, на заказ – всякие там модели, победительницы конкурсов, и так далее.

– И что? – Я спросил спокойно, но на душе вдруг заскребли кошки.

– Давай-ка выпьем, – предложил он, наливая прозрачную жидкость.

Прежде чем я вспомнил, что моя машина недалеко от подъезда больницы и, должно быть, придется скоро садиться за руль, порция разведенного спирта уже перекочевала ко мне в желудок.

– Потому менты и работают по таким, как ты, – продолжил Китанов.

– Ну и пусть работают.

– Ты уверен, что ты чист?

– Виктор! Слушай, ты давно меня знаешь! Ты-то можешь поверить мне, что я от таких дел далеко?

– Я могу. А вот следователь?

– И что он меня спросит?

– Слушай, я тебе действительно верю, поэтому прошу: о нашем разговоре – никому ни слова.

– О чем речь?

– Хорошо.

– Тогда смотри. – Виктор достал из ящика «Вечерку» и открыл страницу с криминальной хроникой. – Вот здесь читай.

Я нашел заметку, озаглавленную «Исчезновение красавицы». И, разумеется, тут же приступил к чтению.

«Как сообщили нашему корреспонденту, вскоре после Рождества неустановленными пока что лицами была похищена начинающая, но очень яркая фотомодель Дина Ткачева, в 19-летнем возрасте завоевавшая титул «Мисс Столица» в прошлом году. Поскольку похитители никак не проявили себя, версия о возможном выкупе рассматривается лишь как одна из возможных. Неофициальный источник сообщил, что при расследовании был взят в качестве основного «чеченский» след, однако и в этой версии есть много спорного. Пока ясно, что девушку заманили либо насильно усадили в машину, марка и модель которой устанавливаются...»

– Ты хочешь сказать, что я причастен к этому делу? Знаешь, Виктор, это даже не смешно.

– Не смешно. Хотя бы потому, что Сурок уже двадцать седьмого сидел. Похоже, эту Дину похитили чуть раньше.

Значит, на свободе остались те, кто продолжает торговлю людьми. Ты, кстати, никогда не катался с Сурком по городу? При этом никогда не подвозил никаких девушек?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.